ЭЛЕАТИЗМ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МОНИСТИЧЕСКОГО МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ИДЕАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЗЗРЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭЛЕЙСКОЙ ШКОЛЫ И ФИЛОСОФИИ ДЖ. БЕРКЛИ)

DOI: 10.26907/2079-5912.2023.3.79-85

Аннотация. Автор ставит проблему общих философских установок мыслителей Элейской школы и Джорджа Беркли. Их сходство не ограничивается внешним ярлыком «идеалистов» или отрицанием привычных представлений: о множественности, движении, материи. В статье приводятся аргументы в пользу наличия единой системы мышления, общей для Ксенофана, Парменида, Зенона и епископа Беркли. Это позволяет говорить об особом философском подходе, за которым автор предлагает закрепить термин «элеатизм», определяемый как монистический метафизический идеализм. Базовая интуиция элеатизма — строгое тождество бытия и мышления. Лишь подлинная действительность признаётся постижимой, тогда как непостижимое (немыслимое, непредставимое) — не существует. Именно принцип непротиворечия является центральным в дискурсе элеатистов; он же определяет ключевое для данного философского направления противопоставление истинного познаваемого бытия и мира мнения, наполненного ошибками чувственного восприятия, закрепившимися в сознании в форме языковых химер. Проведённый в данной статье анализ ключевых положений в философии представителей Элейской школы и Джорджа Беркли показывает, что их философское мышление направлялось общими для элеатизма интуициями.

Ключевые слова: элеаты, Зенон, Беркли, интуиции, апории, бытие, ничто, парадоксы, непротиворечивость, монизм, идеализм, метафизика, диалектика, материя.

Бытие – одно из центральных философских понятий, объёмлющее всё, что существует и может существовать. Все возможные вопросы о мире можно свести к главному вопросу – о бытии. Поэтому античные философы стремились найти объяснение существованию мира и причин разнообразного взаимодействия его частей. Они исследовали свойства различных природных элементов и их отношение между собой, чтобы обнаружить ключевой принцип, лежащий в основе наблюдаемого возникновения, сохранения и разрушения вещей. Бытие оказывалось уподоблено частям непосредственно наблюдаемого мира или отвлечённым понятиям: воде, воздуху, огню, числу, бескачественному веществу. Элеаты, в свою очередь, дали один из самых радикальных ответов: «бытие уникально». Их мысль развивалась, начавшись в этой точке: «бытие ничему – не подобно»; бытие вообще не может быть «подобно», нет чего-либо вне бытия, с чем можно было бы его сравнить. Есть только бытие, а то, что философом разоблачается, как непричаст-

ное реальному бытию – это *ничто*, которое мы не можем безошибочно помыслить. Или, с другой стороны, *ничто* оказывается собственно ошибкой мышления, результатом забвения основных принципов элеатизма.

Взглядам представителей Элейской школы с необходимостью уделяется видное место в любом рассказе об античной философии; их значение в истории мысли неоспоримо. Но в философской литературе XX века, особенно в находящейся под непосредственным влиянием диалектического материализма, встречается трактовка элеатов как материалистов и даже как диалектиков, что никак не выводится из их философии и игнорирует факты, которые заставляют признать элеатов идеалистами (если настойчиво применять к ним эти координаты). Именно позиции Элейской школы соответствует первый и решающий вклад в развитие европейского идеализма; более того, элементы мышления элеатов ярко проявились спустя две тысячи лет в философии Джорджа Беркли – в эталонном субъектив-

ном идеализме. Как сказал Иммануил Кант: «Тезис всякого настоящего идеалиста, от элеатской школы до епископа Беркли, содержится в следующей формуле: «всякое познание из чувств и опыта есть одна лишь видимость, и истина только в идеях чистого рассудка и разума» [1]¹.

Говоря про Элейскую школу, называют обычно четыре имени: Ксенофан, Парменид, Зенон, Мелисс. Аристотель писал о них в «Метафизике» так: «Парменид, как представляется, понимает единое как мысленное (logos), а Мелисс – как материальное. Поэтому первый говорит, что оно ограничено, второй – что оно беспредельно; а Ксенофан, который раньше их (ибо говорят, что Парменид был его учеником) провозглашал единство, ничего не разъяснял и, кажется, не касался природы единого ни в том, ни в другом смысле, а, обращая свои взоры на все небо, утверждал, что единое – это бог. Этих философов, если исходить из целей настоящего исследования, надлежит, как мы сказали, оставить без внимания, притом двоих, а именно Ксенофана и Мелисса, даже совсем – как мыслящих более грубо...» [2, С. 77–78]. Не стоит принимать как догму такую низкую оценку Аристотеля; но представления Мелисса, находившегося под влиянием не только Парменида, а также Гераклита и атомистов, действительно выбиваются из общего ряда элеатов, что делает его философию любопытным образцом эклектики, выстроенной на грани античного «материализма» с античным «идеализмом». И у Мелисса можно найти и исследовать интуиции, общие с другими элеатами, но здесь нам необходимо обозначить то центрирующее, что позволяет вообще говорить об элеатизме, так что намного более уместно будет обратиться к началу рассматриваемого направления мысли в лице Ксенофана.

Ксенофан из Колофона большую часть жизни вынужденно провёл в скитаниях из полиса в полис, и везде он, по собственному признанию, нажил себе врагов. На закате своих лет он поселился в новом греческом городе Элея на западном побережье Аппенинского полуострова. Этот город даст имя основанной Ксенофаном философской школе.

В его произведениях намечилось элеатистское понимание бытия: как единственного, простого, совершенного, монолитного и неподвижного. Как уже было указано выше, в цитате Аристотеля, для Ксенофана вопрос о едином был вопросом религиозно окрашенным:

«Бог же, един, между смертных и между богов

величайший,

Смертному он не подобен ни видом своим, ни душою.

Всем своим естеством он и видит, и слышит, и мыслит.

¹ Далее Кант приводит свою собственную позицию. «Основоположение, всецело направляющее и определяющее мой идеализм, напротив, гласит: «всякое познание вещей из одного лишь чистого рассудка или чистого разума есть одна лишь видимость, и истина только в опыте» («Пролегомены... »).

Мощью рассудка он всё без труда повергает в смятенье.
Вечно на месте одном без движения он пребывает,
Не подобает ему то сюда, то туда обращаться» [3].

Аристотель посчитал концентрацию внимания на одном лишь «небесном» недостойной утончённого мыслителя, но для нас эти сохранившиеся строки Ксенофана оказываются важными, потому что своего рода «вершиной» проявления элеатистских интуиций станет в XVIII веке теоцентрическая философия Джорджа Беркли.

Обучавшийся у Ксенофана Парменид сделал понятие «бытия» центральным предметом анализа в своей философской поэме «О природе» [4]. «Риторический заряд» поэмы был направлен против плюралистической позиции, предполагавшей множественность несводимых друг к другу изменчивых частей мира. Парменид как философ–поэт «приносит с небес» истину о том, что нельзя помыслить небытие, потому что смысл может содержать лишь что–то (и если что–то есть – то оно уже является осмысленным). Мышление у Парменида по своему содержанию тождественно предмету мышления («одно и то же – мышление и то, о чём мысль»). Парменидово бытие есть единственное, что есть; пустота отождествляется с небытием; между отдельными вещами должна быть пустота, но пустоты нет – следовательно, не существует и отдельных вещей. Нет прошлого и будущего, нет бесконечности: истинное бытие описывается как чистое настоящее, пребывающее в совершенной замкнутой форме шара. Ведь «шар – это образ–схема самодостаточной, ни в чём не нуждающейся, никуда не стремящейся реальности» [5, С. 47].

Любимый ученик Парменида, Зенон, выбрал путь доказательства «от противного». Его аргументация через апории до сих пор не оставляет людей равнодушными, чувствуется, что она несёт на себе печать горячей полемики; ей присущ разоблачительный пафос, направленный на искоренение возможности непротиворечиво мыслить бытие как множественное и изменяемое. И хотя за тысячи лет многие видели в апориях лишь пример интеллектуальных трюков, но – как по своим идейным основаниям, так и по выводам из них – апории не могут рассматриваться в одном ряду с софистическими парадоксами или риторическими уловками. Эту точку зрения убедительно отстаивал Александр Койре, соглашаясь с В. Брошаром в том, что апории Зенона – не «пройденный этап» в истории мысли и не набор софизмов, но истинно философская проблема, а их «решительные опровержения» – поверхностны и ошибочны. В свою очередь, Койре хотел «показать, что поднятая Зеноном проблема не относится к одному лишь движению: она касается времени, пространства и движения в той мере, в какой включает в себя понятие бесконечности и непрерывности» [6, С. 27].

Вот четыре вывода из апорий Зенона. 1. «Дихотомия»: тело никогда не может начать движение. 2. «Ахиллес и чере

репах): движущееся тело никогда не может закончить движение. 3. «Стрела»: движущееся тело не может быть несоразмерным пространству, в котором оно движется. 4. «Стадион»: движущиеся тела, в соотношении друг с другом, всегда окажутся несоразмерны пространству, в котором они движутся.

Апории «Дихотомия» и «Ахиллес и черепаха», а также «Стрела» и «Стадион» образуют две пары. И каждая пара апорий приводит при рассмотрении к выводу о двойкой противоречивости движения: пространство, которое мыслится элеатами для исследования движения, либо оказывается делимо до бесконечности, то есть неисчерпаемо; либо же такое «наполненное» движущимися телами пространство начинает представлять собой ничто, пустоту, которую вовсе нельзя никак заполнить, – посему она для элеатов и не существует. И само движение, как разновидность ошибочного представления о пустоте, приходится признать частью противоречивого (кажущегося) бытия. Этот стиль философской аргументации, следующая из тех же элеатистских интуиций, однажды проявит себя вновь в аргументах Джорджа Беркли против материи.

В мире, существующем по правилам, содержащихся в апориях, телу либо а) потребуется на преодоление конечного расстояния бесконечно долгое время, либо б) в конкретный промежуток времени нужно будет каким-то образом покрыть бесконечное пространство. У Диогена Лаэртского можно найти лаконичный вывод ко всем четырём апориям Зенона: «Движущееся не движется ни в том месте, где оно есть, ни в том, где его нет» [7, С. 173].

Здесь может возникнуть соблазн истолковать апории диалектически, как игру совершающей восхождение идеи в противоречивом мире. Но этот подход, на наш взгляд, содержит в себе неприятную возможность так и не попробовать постичь мышление, характерное для элеатов. По Гегелю, диалектика – «движущая душа всякого научного развёртывания мысли и представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки имманентную связь и необходимость» [8, С. 206]. Диалектика призвана последовательно разоблачать в каждом определении как отрицание, так и отрицание отрицания, а значит – она оставляет за каждым тезисом лишь частичную причастность истине, требующую нового снятия. Онтологически это означает, что бытие не просто предстаёт нам как процесс, но подлинно является процессом! По Гегелю, бытие противоречиво; оно движется, обновляется, раскрывается... Всё это противоположно элеатистской онтологии. Следование диалектике не позволило бы признать элеатизм равнозначной альтернативой гегельянству; это лишь предшествующий этап развития мысли. Таков будет итог, если рассматривать недиалектическую философию диалектически. Настрой разума на «соответствие простому ритму»

гегелевского метода приводит к тому, что, начиная знакомство с самобытным метафизическим мышлением, каким является элеатизм, мы лишь вновь увидим диалектику. И вместо монолога Единого будет слышаться бесконечный диалог диалектического Духа с самим собой. Прибывая в гегельянской установке, то есть установке о становлении, невозможно, на наш взгляд, попасть в пространство мысли, когда-то открытое Ксенофаном и получившее новое содержание в Новое время.

Джордж Беркли – христианский философ XVIII века, анализ интуиций которого позволяет отнести его к элеатам. Широко распространено поверхностное и ироничное отношение к философии Беркли; что она не просто так «не получила сколько-нибудь серьезного признания», и её можно вовсе игнорировать; что её наилучшим описанием будет фраза «люди лысеют, когда Бог перестаёт думать об их волосах» (фраза иногда приписывается Расселу)... Тем более ценным на таком фоне кажется суждение мыслителя, проникнувшегося этой философией – Владимира Эрна: «гениальный епископ клоуинский Беркли, вне всякой связи с платонизмом и очевидно без всякого воздействия Мальбранша, в силу одной лишь внутренней логики, в целом ряде блестящих сочинений победоносно раскрывает всю нелепость мертвого понятия материи, затвердевшего в какой-то нефилософский догмат, как в континентальном картезианстве, так и в английском эмпиризме» [9, С. 38].

Крайне интересная трактовка философии Беркли имеется у французского интуитивиста Анри Бергсона в работе «Философская интуиция». Там Бергсон признаёт, что в вопросе генезиса берклианства решил «не заходить далеко», к античным мыслителям; он ограничил пределы поиска философских предшественников Беркли фигурами Рене Декарта, Томаса Гоббса и Джона Локка. Но, как он говорит, «салат» из идей этих трёх философов даст нам лишь «внешнее воссоздание» мысли самого Беркли [10, С. 170]. Чего-то важного не хватает; отсутствует «нерв» учения Беркли, и Бергсон ищет его. Из дальнейших размышлений мы понимаем, что для него Беркли оказался не просто интересен, а дорог; Бергсон увидел в Беркли философа-интуитивиста, такого же, как он сам, с поправкой на эпоху и «проблемы, которые были поставлены современниками Беркли» [10, С. 174].

Перейдём к собственным тезисам о единстве философского основания мысли элеатов и мысли Беркли. Укажем на присутствие в мышлении этих философов следующих общих интуиций, могущих считаться принципами элеатизма:

1. Истина о бытии познаётся разумом, чувства формируют лишь мнение. Элеатизм – это мировоззрение рациональное, даже рაციоцентричное: истинное знание становится результатом правильно организованного мышления.

Для элеатов мышление по своему содержанию тождественно предмету мышления. Для Беркли вне воспринимающего разума невозможно что-либо воспринимаемое.

2. Истинное бытие возможно представить. Всё, что в строго философском смысле непредставимо – не может реально существовать. «Представимость» здесь понимается как принципиальная возможность для разума моделировать вещи и их состояния через такие понятия, которые адекватно передают сущностные характеристики этих вещей.

3. Истинное бытие непротиворечиво; таким образом, противоречивые идеи неистинны. Примеры того, что для элеатиста будет являться противоречивым: множественность, изменчивость, динамичность, материальность.

4. Истинное бытие уникально. Единственный мир един в себе и организован по единому принципу. Этот пункт выявляет общую для элеатов и Беркли монистическую установку. В философии Элейской школы подлинно существует лишь бытие; в имматериализме Беркли есть Бог-Творец, разумом которого воспринимаются все идеи. Для элеата не может быть двух совершенств, для христианина – двух равных богов. Уникальность умопостигаемого бытия, как подлинной неизменной действительности, логически предшествует единственности мира.

Элеатов и Беркли роднят не только общие интуиции, но и аргументация: как апория Зенона («Стрела») демонстрировала несоразмерность движущегося тела пространству, в котором оно движется, так у Беркли идея материи несоизмерима тому, что мы воспринимаем как «материю». Для элеатов результат правильного философского мышления не мог иметь онтологического соответствия с «ничто» – для Беркли синонимом «ничто» и пустоты стала материя; и он объявляет материю несуществующей из-за её противоречивости и непредставимости. К этому его приводит так же убежденность в том, что бытие однородно; в нём нет и идей, и материальных вещей, но либо одно, либо другое. Присутствует у Беркли и оригинальная критика языка, разоблачающая («химеры»), возникающие из-за нестрогаго (то есть, не элеатистского) мышления. Например, рассматривая понятие «материальной субстанции», Беркли демонстрирует убеждение, что за этим понятием нет «никакого отчётливого значения», только материализованная материальность, то есть – абстракция [11, С. 116].

Беркли был убеждён, что философ-материалист, как и любой другой человек, не способен к тому, чтобы помыслить абстракцию, коей является материя. Такая философия оказывается «основанной ни на чём», в отличии от философии Беркли, основанной на Боге. Материализм для Беркли представляет собой ложную веру, связанную с привычками слабого разума. Представление о материальном мире – препятствие для веры в Бога, сама мате-

рия – ничто. Если всё, что существует, может существовать лишь будучи воспринимаемым, то Бог должен как-то мыслить материю, но она бессмысленна и бесцельна, а Бог не мыслит ничего с ошибками, как не мыслит Он и того, что не во благо Его творению. В бесконечном разуме Бога нет потенциальной идеи материи, которая получила бы актуальное бытие в человеческом разуме [12, С. 242–244]. Нам лишь кажется, что мы мыслим материю, на деле же мы систематически ошибаемся. Уместно вспомнить апорию «Ахиллес и черепаха», представив на месте Ахиллеса материалиста. Сколько бы он не гнался за последней достоверностью, предполагая найти её в материальной субстанции – он ни на шаг не приблизится к ней, поскольку это лишь призрачное отражение его чаяний о самом прочном и твёрдом (во всех смыслах) основании; и чаяния эти, утверждает клоинский епископ, вызваны обыкновенным неверием большинства людей. Верующему, как считает Беркли, «материя» не нужна, а безбожник цепляется за неё как за средство, цементирующее его лишённый Божества мир [11, С. 143].

Если материи нет, то мы, «встречаясь» с вещами, реально лишь воспринимаем разумом идеи, обеспечивающие ощущения, которые и оставляют в опыте представления об этих вещах. Что до локковских первичных (объективных, неотъемлемых) и вторичных (субъективных, привнесённых) качеств этих вещей, то теперь, когда они лишены материальной «основы», говорить об этом бессмысленно; и те, и другие качества вещей – это состояния ума. Философский ум, как мы помним, чужд абстракций. Любая противоречивость для Беркли как элеатиста означает неподлинность; мир постигается мышлением, которому этот мир полностью внят, а философские затруднения происходят вследствие неверного использования слов. Так, в языке одни понятия оказываются ошибочно разделены: например, «осознание» и «мысль»; а другие, напротив, смешаны: например, «идеи» и «ум». Беркли пишет: «...вы должны были бы представить себе, что они [вещи вне ума] существуют непредставляемые и немислимые, что, очевидно, противоречиво. Прибегая к самому крайнему усилию для представления себе существования внешних тел, мы достигаем лишь того, что созерцаем наши собственные идеи» [11, С. 118]. После того, как понятие материи оказывается пустой абстракцией, уже идеи в учении Беркли играют роль «материи», описываясь как пассивные и инертные восприятия духа. Он пишет: «Слова «воля», «рассудок», «ум», «душа», «дух» обозначают не различные идеи или, на деле, вообще какую-либо идею, а нечто весьма отличное от идей, что, будучи деятелем, не может быть сходно с идеей, или быть представлено какой-либо идеей» [11, С. 120]. Так что не только материя, но и идеи не могут быть причастны природе духа, подобно

тому, как движение у элеатов не может быть причастно бытию.

Выходит, что идеи – это не столько само творение, сколько способ божественной коммуникации с духами, которые от Бога имеют способность не только быть воспринимаемыми, но и воспринимать. А то, что лишь воспринимается, воспринимается всегда кем-то, значит – нет идей вне разума. Это сочетается с монистической элеатистской интуицией, которая делит мир на совершенную «подлинность» (бытие) и состоящую из ошибок «неподлинность» (ничто). Считать, что реальность сама по себе воздействует на нас без всяких «идей», составляющих в нашем разуме описание реальности, это для Беркли значит игнорировать неизбежное следствие такого утверждения: воздействие реальности будет отличаться от идей, которые при этом будут запечатлены в нашем разуме. Причём это воздействие будет отличаться принципиально непостижимым для нас образом. Вместо учения, которое надеются дать людям материалисты, – успокаивающего, позволяющего забыть о Боге, вновь выходит нечто, напоминающее «средневековый реализм» наизнанку. Реальность материалистов предстаёт «двоящейся»: за пределами разума есть нечто (и это не благой Бог), что никаким образом не может быть осмыслено, и при этом оно может воздействовать на нас. Если бы Беркли жил в современности, он бы даже использовал одно слово, избыточно описывающее возникающую картину: «хоррор». Но элеатист «взвешивает» в уме такие концепции не с ужасом, а с разочарованием: это же снова пример нестрогого, противоречивого, ненастоящего мышления... То есть, элеатистское мышление, оказывается, обладает ещё одной особенностью: философско-оптимистическим взглядом на мироздание.

Осталось сказать несколько слов о дальнейшей судьбе в истории мысли рассмотренных нами философских интуиций и вырастающих из них концепций. Берклианский принцип «существовать – значит воспринимать и быть воспринятым» вполне правомочно может быть передан через иную формулировку: «существовать – значит быть разумным» (и в смысле «мыслящего существа», и в смысле «мыслимой вещи»). И вновь мы узнаем одну из базовых интуиций элеатизма, утверждающую наличие идеальной симметрии между бытием и мышлением. Кроме вывода, что уверенность в собственном существовании достигается через подтверждение наличия воспринимаемого разума – вывода, общего для мейнстримной философии Но-

вого времени и созвучного картезианству, – есть здесь ещё одно следствие. Получается, что лишь подлинно существующие вещи являются причастными разуму; мыслимыми, постижимыми. Они и составляют бытие, а противоречивые вещи относятся к понятию, обозначающему фиктивную противоположность бытия: ничто. То, что можно постичь разумом, то существует и однажды обретёт для человечества разумную форму: принципиально постижимое будет постигнуто. Так эта элеатистская интуиция перебрасывает мостик уже к абсолютному идеализму Гегеля с его формулой «всё действительное разумно, всё разумное действительно», логически следующей из изначально элеатистского принципа тождества бытия и мышления. Несмотря на глубокие различия между философскими построениями Беркли и Гегеля, отчасти уже отмеченные в этой статье, можно сказать, что именно через распознанную элеатистскую интуицию нам становится ясен общий для обоих мыслителей взгляд на бытие как на аутентичную манифестацию разума. Бытие предстаёт в высшей степени разумным проектом – в философии Беркли, и в высшей степени разумным процессом – в философии Гегеля.

Итак, между представителями Элейской школы и Джорджем Беркли больше общего, чем обычно признаётся философами. Выведенные нами интуитивно принимаемые философами принципы обнаруживаются и в поэзии Ксенофана и Парменида, и в апориях Зенона, и в имматериализме Джорджа Беркли. Эти интуиции порождают особое отношение к языку, предполагающее проверку используемых философами понятий на их непротиворечивость. Парменид лишает всякого содержания небытие. Зенон ниспровергает движение. Беркли отказывается от возможности признания онтологического статуса за материей. Все они борются с абстракциями. И все так или иначе отстаивают принцип тождества бытия и мышления.

Совокупность указанных интуиций в мышлении любого философа предопределяет близкие или общие с другими элеатистами ответы на вопросы онтологии и гносеологии. Ответы, которые всегда окажутся удивительными, противоречащими «здравому смыслу», но ценными своей философской находчивостью и оригинальностью. В этом своеобразии проявляется особая историческая роль элеатизма, предстающего как реформационное и «анти-теоретическое» мышление периодов кризиса знания, полемизирующее с научными и привычными для современников представлениями о мироустройстве [5, С. 48].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука [Электронный ресурс]. Пер. М. Иткин. URL.: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_kant_prolegomena.htm (дата обращения: 23.05.2023).
2. Аристотель. Метафизика. Сочинения в четырех томах. Том 1. Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
3. Ксенофан. Фрагменты [Электронный ресурс]. Текст приводится по изданию: «Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э.». Пер. М. Гаспаров, Ф. Зелинский и др. – М.: Ладомир, 1999. URL.: <http://ancientrome.ru/antlittr/ksenophanes/ksen.htm> (дата обращения: 23.05.2023).
4. Парменид. Из поэмы «О Природе» (Peri physeos). [Электронный ресурс]. Пер. М.А. Гаспаров. [Электронный ресурс]. URL.: <http://ancientrome.ru/antlittr/parmenid/index.htm> (дата обращения: 23.05.2023).
5. Гайденко П.П. История греческой философии в её связи с наукой. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2018. – 264 с.
6. Койре А. Заметки о парадоксах Зенона. / А. Койре. Очерки истории философской мысли. Пер. Я.А. Лятер. – М.: Прогресс, 1985. – 281 с.
7. Берестов И.В. Зенон Элейский в современных переводах и философских дискуссиях. – Новосибирск: Институт философии и права СО РАН, 2021. – 206 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия природы. / Г.В.Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Отв. ред. Е.П. Ситковский. – М.: Мысль, 1975. – 695 с.
9. Эрн В.Ф. Беркли как родоначальник современного имманентизма. / В.Ф. Эрн. Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 576 с.
10. Бергсон А. Философская интуиция. / А. Бергсон. Сознание и жизнь. Сост. и пер. И.И. Блауберг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 399 с.
11. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания. / Дж. Беркли. Трактат о принципах человеческого знания и другие сочинения. Ред. Д.С. Дамте. – М.: Академический проект, 2016. – 554 с.
12. Беркли Дж. Три разговора между Гиласом и Филонусом. / Дж. Беркли. Трактат о принципах человеческого знания и другие сочинения. Ред. Д.С. Дамте. – М.: Академический проект, 2016. – 554 с.

Информация об авторе

Рыбаков Сергей Владимирович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии.
E-mail: svrybakov4@gmail.com

Rybakov S.V.

ELEATISM: TO THE CHARACTERISTICS OF MONISTIC METAPHYSICAL IDEALISM (BASED ON THE VIEWS OF REPRESENTATIVES OF THE ELEATIC SCHOOL AND THE PHILOSOPHY OF G. BERKELEY)

Abstract. The author raises the problem of the general philosophical attitudes of the thinkers of the Eleatic school and George Berkeley. Their similarity is not limited to the external label of «idealists» or the denial of the usual ideas: about multiplicity, movement, matter. The article presents arguments in favor of the existence of a single system of thinking common to Xenophanes, Parmenides, Zeno and Bishop Berkeley. This allows us to talk about a special philosophical approach, for which the author proposes to fix the term «eleatism», defined as monistic metaphysical idealism. The basic intuition of eleatism is the strict identity of being and thinking. Only true reality is recognized as comprehensible, while the incomprehensible (unthinkable, unimaginable) does not exist. It is the principle of non-contradiction that is central to the discourse of the Eleaticists; it also defines the key opposition for this philosophical direction of the true knowable being and the world of opinion, filled with errors of sensory perception, fixed in the mind in the form of linguistic chimeras. The analysis of the key positions in the philosophy of the representatives of the Eleatic school and George Berkeley, carried out in this article, shows that their philosophical thinking was guided by intuitions common to eleatism.

Keywords: Eleatics, Zeno, Berkeley, intuitions, aporias, being, nothingness, paradoxes, consistency, monism, idealism, metaphysics, dialectics, matter.

Literature

1. Kant I. Prolegomena to any future metaphysics that can appear as a science [Electronic resource]. Trans. M. Itkin. URL: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_kant_prolegomena.htm (date of access: 05/23/2023).
2. Aristotle. Metaphysics. Works in four volumes. Volume 1. Ed. V.F. Asmus. – M.: Thought, 1976. – 550 p.
3. Xenophanes. Fragments [Electronic resource]. The text is given according to the edition: «Hellenic poets of the VIII–III cent. BC». Trans. M. Gasparov, F. Zelinsky and others – M.: Ladomir, 1999. URL.: <http://ancientrome.ru/antlittr/ksenophanes/ksen.htm> (date of access: 05/23/2023).
4. Parmenides. From the poem «About Nature» (Peri physeos). [Electronic resource]. Trans. M.L. Gasparov. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/parmenid/index.htm> (date of access: 05/23/2023).
5. Gaidenko P.P. The history of Greek philosophy in its connection with science. – M.: Knizhny dom LIBROKOM, 2018. – 264 p.
6. Koire A. Notes on the paradoxes of Zeno. / A. Koire. Essays on the history of philosophical thought. Trans. Ya.A. Lyatker. – M.: Progress, 1985. – 281 p.
7. Berestov I.V. Zeno of Elea in modern translations and philosophical discussions. – Novosibirsk: Institute of Philosophy and Law SB RAS, 2021. – 206 p.
8. Hegel G.W.F. Philosophy of nature. / G.W.F. Hegel. Encyclopedia of Philosophical Sciences. T. 2. Resp. ed. E.P. Sitkovsky. – M.: Thought, 1975. – 695 p.
9. Ern V.F. Berkeley as the founder of modern immanentism. / V.F. Ern. Works. – M.: Pravda, 1991. 576 p.
10. Bergson A. Philosophical intuition. / A. Bergson. Consciousness and life. Comp. and trans. I.I. Blauberg. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. – 399 p.
11. Berkeley G. A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge. / G. Berkeley. A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge and other writings. Ed. D.S. Damte. – M.: Academic project, 2016. – 554 p.
12. Berkeley G. Three Dialogues between Hylas and Philonous. / G. Berkeley. A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge and other writings. Ed. D.S. Damte. – M.: Academic project, 2016. – 554 p.

Author

Rybakov Sergei Vladimirovich, post-graduate student, Kazan Federal University, Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy.

E-mail: svrybakov4@gmail.com